

В этом году Советской Латвии исполнится 25 лет. Я помню каждый день, каждую трепетную минуту первого года нашей республики. Мы тогда мечтали о новом театре...

В школе мы ставили (самостоятельно, без чьей-либо помощи) фурмановского «Чапаева» — по материалам радиопьесы, в двадцати картинах.

Спектакль начался с приветствия сидевшему в зале почетному гостю — народному писателю Андрею Упиту. Две роковые аварии: перед началом военной картины «У костра» наш тенор-солист из восьмого класса, игравший колчаковского казака, забыл мелодию песни. И вторая: в финале Чапаев (ныне научный сотрудник астрономической обсерватории госуниверситета) должен был появиться в ярком луче света в героической позе. Он и стоял в позе, но... никто его не видел — в осветительной башне перегорела лампа. Но Андрей Упит, перед которым нам было мучительно стыдно, сказал нам: «Молодцы!». Он

ТЕАТР СЛОВА И ДЕЙСТВИЯ

П. ПЕТЕРСОН

хвалил нас за смелость, за то, что в эти бурные дни рождения нового мальчишки взяли на себя дело выше своих сил. Я только позже, почти 25 лет спустя, понял смысл этой оценки.

Теперь вместе с 25-летием Советской Латвии наше поколение тоже отметит как бы дату зрелости. Но мечта о поэтическом театре еще живет, проверенная в работе, но не осуществленная до конца. И я жажду еще раз получить такую же оценку сего мастера нашей литературы, нашей культуры — Андрея Упита. Недавно в небольшой беседе он сказал: «Надо искать!». И улыбнулся. В этот миг, хотя ему скоро девяносто, он показался мне моложе всех нас.

Поэтический театр — я думаю о нем и сегодня. Традиции великого поэта Райниса и дело жизни Эдуарда Смильгиса — художественный театр — учат нас, что

не может быть искусства без страстной мысли, зовущей к борьбе, без глубоких, преобразующих человека раздумий, без яркого, действенного обобщения.

Много споров было в последнее время в критике о творческом лице наших театров. Возвращаясь к этому вопросу, думаю, не будет ошибкой сказать, что наш Академический театр драмы — театр слова. Яркое, образное, насыщенное глубоким актерским переживанием, действенное слово является самым сильным выразительным средством этого театра.

Я, кажется, не ошибусь, сказав, что Художественный театр имени Райниса и в своих прошлых исканиях и в своих наиболее значительных достижениях сегодняшнего дня является театром действия.

Иногда Художественный театр неожиданно как бы исчерпывал действенные возможности авторского текста и развивал так называемую зрелищную сторону спектакля. Кузница, где перековывают сердце народного героя Тота в пьесе Райниса «Играл я, плясал», — как только не видит эту кузницу Эдуард Смильгис в разных своих постановках этой пьесы! И в классическом стиле и с девятью мощными кузнецами на выразительном спиральном полукруте — создании художника Гирта Вилкса... Огромный письменный стол Карла Маркса (в спектакле «Гражданин мира») на фоне корабельных мачт как будто стоит в центре всего мира... Остроумные интермедии, яркий элемент танца в шекспировских спектаклях... — все это действие, действие в своем сценическом разнообразии.

Оно всегда было направлено к высоким обобщениям и часто достигало этой цели.

Но все более чутким становится понимание театра нашим зрителем. Его учит литература, которая в своих лучших произведениях тонко исследует жизнь человеческой души. Его учит, и я не стесняюсь сказать это, кино, где порой незначительный, скупой жест может выразить решительный поворот человеческой психологии.

Открывать неожиданное в человеке, развивать то, что в нем скрывается, — самое благородное задание в нашей работе. Это относится не только к сценическому образу, но и к нашему подходу к самому актеру. Искать еще не открытые стороны актерского таланта и через актера раскрывать тайны и неожиданности человеческого характера — пусть это станет задачей нашего поэтического театра.

В нашей системе общественной учебы мы тщательно изучаем эстетику. К нам приезжают лекторы по эстетике, мы придумываем эстетические категории в повседневной работе, нашу работу анализируют специалисты по эстетике, мы прямо-таки пропитаны эстетикой...

А рядом — молодой ученый, может быть, тот самый, что когда-то играл Чапаева, сегодня сомневается, нужна ли вообще лирика и поэзия. Он, открывший «разнообразные изменения в природе», не сознает, что он сам — больше лирик, чем иной поэт. Он открыл неожиданное, невозможное в природе, в веществе...

Мейерхольд предусматривал высшую математику обязательным предметом в своей актерско-режиссерской студии. Современная физика как обязательный предмет, хотя бы в сети нашей общественной учебы, — это очень и очень помогло бы нам стать более поэтичными, а сегодня это означает — и более логичными.

(АПН)